

Ф.Ф.Зелински. Религия эллинизма

§20

В предыдущих главах мы изучили вклады Анатолии и Египта в религию эллинизма. Переходя теперь к третьей греко-восточной области, к Сирии, мы должны прежде всего заметить, что ее роль, как оплодотворительницы античной религии, почти вся еще впереди. В нашу эпоху она сама является полем усиленной эллинизации со стороны своих царей Селевкидов; но, покоряясь им внешне, она в то же время ревниво бережет про себя своих презираемых западным миром кровожадных Ваалов, в ожидании того, еще далекого момента, когда этот мир, униженный и расслабленный, и их призовет к себе.

Только одно сирийское божество уже с давних пор сумело доставить себе доступ в круг эллинской религии, использовав то чувство ее носителей, в котором заключалась их и сила, и слабость – чувство красоты: это была Астарта с ее любимцем Адоном. Но, быть может, и это исключение лишь подтверждает правило: дело в том, что для этой четы Сирия была только переходной областью, ее же родиной была древняя Вавилония. А так как вавилонская религия нам к тому же и лучше известна, чем сирийская, то с нее целесообразнее будет начать.

В древнеавилонском пантеоне богиня Иштар занимает особое место, как богиня самостоятельная и яркая, а не бледное женское дополнение к мужскому божеству. В силу коренного астрально-природного дуализма вавилонской религии и роль Иштар двойная: она и душа одной из семи планет, той самой, которая поныне, после двойной лингвистической метаморфозы, сохранила ее имя – вечерне-утренней звезды Венеры – и богиня земного плодотворения и его условия, чувственной любви. В этом втором своем естестве она чествовалась безудержным половым разгулом, сакральным выражением которого была религиозная проституция; но созданный ею буйный урожай весны обречен гибели, разрушительное время года срывает одно украшение за другим у вянущей природы, снимает с нее под конец и ее зеленую ризу и отдает ее, обнаженную, во власть смерти. Так возник в сознании вавилонянина образ юного бога природы, Таммуза, любимца Иштар. Причина его гибели именно в его плодотворении – "причина смерти – любовь", можно сказать и тут. А царица любви – Иштар: это она своими ласками обольстила Таммуза, она стала причиной его гибели.

И вот Таммуз покинул свет дня, стал жителем преисподней, где царствует Нергал и его грозная супруга Эрешкигаль... тут начинается для нас один из любопытнейших памятников вавилонской религии, "Сошествие Иштар", как его принято называть. "Стала мыслить Иштар о стране без возврата"; отправляется туда, находит стража у первых врат, посылает его к царице Эрешкигали: "Пришла Иштар, твоя сестра". Закручинилась владычица мрака... жалеет она богиню и ее неотвратимую судьбу? По ее приказанию страж пропускает ее через семеро врат, снимая с нее последовательно украшение за украшением, под конец, даже ризу стыда; обнаженной является она к Эрешкигали. Та заражает болезнью ее глаза, чресла, ноги, сердце, голову, всю ее – и с этого мгновения прекратилось всякое плодотворение на земле, вся живая природа заснула. Испугались высшие боги; создав слугу, они посылают его к Эрешкигали с властным словом. Эрешкигаль проклинает слугу, но переданное им слово исполняет; по ее приказу, ее

прислужник Намтар окропляет Иштар живую воду, ведет ее обратно через семеро врат, возвращая ей у каждых последовательно отнятые украшения... конец гимна плохо сохранился и загадочен, но все же видно, что и Таммузу уделяют живой воды, что он воссоединяется с возлюбившей его богиней. Опять весна на земле.

И красиво, и странно сплелись в этом мифе оба естества астрально-природной Иштар: мы узнаем богиню плодотворения, обрекающую гибели особь ради продления жизни породы, но узнаем и лучезарную звезду, спускающуюся через рубеж небосклона под землю, где предполагается царство мрака. Умирающая и воскресающая природа странно раздвоена в Таммузе и Иштар как *natura naturata* и *natura naturans*; первая в своем мужском, вторая в своем женском естестве, что уже совсем странно. Но мы, может быть, неправильно поступаем, рассуждая по-нашему в вавилонской атмосфере. Во всяком случае, Таммуз – символ расцветающей и увядающей природы.

"О, пастырь! – поется в жалобном гимне в честь него, – ты – семя, не отведавшее влаги в борозде, зародыш, не принесший плода в поле, деревцо, не посаженное у орошающей струи, деревцо, корни которого подрезаны, лоза, не отведавшая влаги в борозде".

Одно хотели бы мы узнать: видели ли вавилоняне в воскрешении Таммуза залог возможного освобождения также и человека из "страны без возврата"? Ученые-ассириологи бывают склонны это допустить, но я не вижу для этого, пока, никаких оснований; воскрешение мертвых упоминается в богослужебных гимнах, но только как проявление силы соответственных богов, не в связи с воскрешением Таммуза, не как последствие освободительного подвига самой Иштар. И, думается мне, этим обусловлено также и то обстоятельство, что культ Иштар и Таммуза не имеет мистического характера. Конечно, вся религия вавилонян гораздо более подчинена жречеству, чем греческая, но о специальных посвящениях в таинства Таммуза мы не слышим. Религиозная мысль еще не прорвала своей природно-мифической пелены: служба Таммузу, справляемая храмовыми проститутками – только симпатическая служба умирающей и воскрешающей природе, вне связи с возможной для человека "лучшей участью" за пределами смерти. Такой "лучшей участи" для смертных людей Вавилон вообще не признавал.

§21

Покорившие Вавилонию пришельцы семитского племени сами прониклись ее религией и стали посредниками между нею и своими западными соплеменниками, населившими Сирию с Финикией; им они принесли культ Иштар и Таммуза. Его сущность была сохранена, только имена были заменены другими. Иштар стала Астартой, хотя это имя не было обязательным; Таммуз же был обозначаем нарицательным Adon, что значит "Господь". Немногочисленны свидетельства об этом культе: сирийцы и финикияне не оставили нам такой богатой литературы, которая могла бы идти в параллель с клинописной вавилонской; что же касается греческих, то они тоже не очень обильны, позднего происхождения и возбуждают подозрение в том, что они переносят в Сирию обратно определившиеся уже в Греции особенности культа и мифа.

Как бы то ни было, можно признать за достоверное, что одним из центров культа Адона и Астарты был город Библос в Финикии. Адон был ранен ведем на охоте в роще Ливана и

умер от раны; на память об этом библиицы ежегодно справляют "оргии" с плачем и ударами в грудь, после чего они приносят ему заупокойные жертвы как мертвому. А на следующий день они выносят его изображение (из усыпальницы?) на воздух, объявляют его живым и чествуют отрезанием своих волос и религиозной проституцией. В эти дни, будто бы, и протекающая мимо Библоса река, тоже носящая имя Адона, окрашивает свои волны в багровый цвет.

Местом столкновения и слияния финикийского и греческого элементов был остров Кипр; здесь финикийская Астарта превратилась сначала в "кипрскую богиню" (Киприду), а затем в Афродиту; здесь была помещена и родина ее любимца. Миф о нем получил следующую форму. У кипрского царя Кинира была прекрасная дочь, по имени Мирра. Воспылав нечестивой любовью к своему отцу, она путем обмана достигла своей цели, но под конец обман обнаружился, Кинир с мечом в руке бросился преследовать оскверненную осквернительницу – но боги, по ее просьбе, превратили ее в дерево, то самое, с которого сочится благовонная смола, носящая ее имя. Через десять месяцев кора дерева лопнула и выдала младенца – Адониса. Воспитанный пастухами, он и сам стал пастухом. Своей божественной красотой он покорило сердце самой Афродиты, и она сделала его своим товарищем и любимцем. Однажды он, однако, отправился на охоту. Исход был для него роковым; вепрь, встретившись с ним, ранил его в бедро, и он от этой раны умер. Безутешно было горе Афродиты; оплакав своего любимца, она спустилась за ним в преисподнюю и добилась его частичного возвращения себе. По решению Зевса, он отныне треть года должен был проводить в преисподней, треть с Афродитой, а треть, где захочет сам – но он, конечно, и эту треть подарил своей божественной подруге.

Из Кипра культ Адониса рано проник в Грецию как колониальную, так и коренную. Самым ранним свидетельством о нем мы обязаны Сафо (VI в. до Р.Х.); она сочиняла обрядовые песни для праздников Адониса, из которых нам сохранен маленький, но содержательный отрывок (пер. Вяч. Иванова):

*Что, Киприда, творить нам повелишь?
Никнет Адонис!
Бейте в перси, взрыдав, девы, по нем,
Рвите хитоны!*

В пятом веке мы встречаем "Адонии" уже в Афинах; справляют их там плачем и жалобами суеверные женщины к великому неудовольствию властей – пришлый характер праздника живо чувствуется в этом к нему отношении представителей государства. Вообще, нигде в Греции до падения ее самостоятельности Адонии не получают официального характера: справляют их частные кружки вроде того, для которого Сафо писала свои богослужебные песни. И притом, преимущественно, если не исключительно, кружки женщин: вторая после Сафо даровитая стихотворица греков, Праксилла, тоже писала адонические песни, и нам из них тоже сохранен отрывок – наивный плач умирающего Адониса:

*Бросить я должен красу над красами, лучистое солнце,
Бросить алмазные звезды и лик благодатный Селены,
Сочные бросить арбузы, и яблоки бросить, и груши...*

из которого мы заключаем, что в Греции праздник Адониса справлялся не весной, как в Вавилоне праздник Таммуза, а летом или ранней осенью.

Но тот же культ – вряд ли из Финикии, а скорее, непосредственно из Вавилона – проник и в семитскую Анатолию, главным образом, в Лидию, и там существенным образом изменил местный миф и культ Великой Матери и Аттиса. Имена остались местные; но была введена одна подробность, сближающая Аттиса с Адонисом: его самооскопление было заменено смертью на охоте, и притом именно от поранения клыком вепря. В этом, действительно, отличие лидийского Аттиса от того фригийского, о котором была речь в предыдущей главе. И это проникновение должно было состояться в очень ранние времена; оно успело повлиять на легенду о лидийских царях и создать тот ее вариант, который мы знаем, благодаря пересказу Геродота (136 сл.). Здесь Аттис (правда, с правописанием *Atys*, не изменяющим дела) является сыном царя Креза, и гибнет он от руки Адраста ("Неизбежного", т.е. бога смерти) во время охоты на вепря.

Но это мимоходом; не в первый раз мы встречаем слияние Афродиты с Великой Матерью. Возвращаемся к настоящему Адонису. Мы проследили его судьбу в древнем Вавилоне, в семитской Сирии и в Греции эпохи независимости; теперь перед нами последний и главный для нас вопрос: роль культа Адониса и Афродиты в религии эллинизма.